

Людмила Худякова

Взгляд в прошлое

Людмила Худякова
Взгляд в прошлое.
Для семейного чтения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48478692
ISBN 9785005065315*

Аннотация

В книгу вошла семейная повесть «Память» о 20—30 годах 20 века на Урале, в которой, как в призме, отражается жизнь страны, а также «Баллада о бородинском хлебе», продолжающая тему подвига, героизма и великой любви. Стихотворение «Настенные часы» включает сборник и выражает авторскую позицию по отношению к прошлому. Книга интересна всем неравнодушным людям, подходит для семейного чтения.

Содержание

Баллада о Бородинском хлебе	5
Память	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Взгляд в прошлое Для семейного чтения

Людмила Худякова

© Людмила Худякова, 2019

ISBN 978-5-0050-6531-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Баллада о Бородинском хлебе

Посвящается Александру Алексеевичу Тучкову-4 и его жене

Маргарите Михайловне Нарышкиной

как примеру мужества, патриотизма, долга и любви.

1

Война 12 года. Красив он, молод и богат.

Стан Аполлона, пальцы в кольцах, задумчивый и умный
взгляд.

Он европейски образован. В его глазах живёт душа.

Одежда генерал-майора ему отменно хороша.

Такой он только на портретах, и был, возможно, на балах.
И в эполетах генерала он просто русский был солдат.

Заботливым к своим солдатам, он шёл пешком с ружьём
в руках.

Руководимый чувством долга, всегда успешен был в делах.

Переходил зимою реку, всегда был мужества пример.

И защитить свою отчизну негласный долг ему велел.

Шесть лет уже, как счастлив в браке. Четырнадцать, как
он любим.

Он восемь лет любимой добивался и верностью родных
её сломил.

Его удел – ученья, служба, тоска по дому и война.

Её удел – помочь в походе, быть милосердною всегда.

Она его сопровождала, одевшись в форму денщика

А под фуражкой лежала её роскошная коса.

Форсировала с мужем реки, по пояс в ледяной воде

И пробиралась сквозь заносы. Спала в палатке на земле.

Старалась раненых от боли своей рукою излечить.

Ну а уж если погибали, в последний путь их проводить.

Однажды сон приснился странный, и голос предсказал
ей, что

Её судьба и участь мужа решится при Бородино.

Жену свою муж успокоил:

– На карте нет Бородино. Быть может, это не село.

Печален был рассвет на поле. Вставало солнце в пелене.
Леса стояли отрешённо, вдруг засверкали как в огне.

В тоске необузданное поле:

– Зачем мне крови урожай? Всю ночь готовились здесь
к бою.

И жертвы будут. Так и знай.

Кавалергарды и уланы, дым пушек и огни костров

Тот день сентябрьский начинали, чтоб не пустить
к Москве врагов.

Жена была с ним до Смоленска. Её он успокоить смог:

– Ревельский, Муромский в резерве. Со мною братья
и сам бог.

С семьёй она была в Кинешме. Родился долгожданный сын.

А муж её заботой нежной теперь совсем не защитим.

Всю ночь она о них молилась. Болела за него душа,

А на неё с икон смотрели его любимые глаза.

3

В 5—30 началось сраженье. Был взят Шевардинский редут.

Раевский терпит поражение. Чтоб не попали в окруженье,
Кутузов принял вдруг решенье усилить левый фланг.
И тут...

Взят полк Ревельский из резерва, а во главе наш генерал.
Сюда направили французы свой оглушительный удар.
Прошли четыре контратаки. На пятой дрогнули ряды.
Как убедить, когда повсюду идут свинцовые дожди.
А ты в огне, в исчадьи ада, гуляет смерть. Болит душа.
И ты разишь врагов отважно за всех погибших, за себя.
Он весь пылал азартом боя и состраданье заглушал.
Со знаменем всех звал в атаку, картечью раненый упал.
А умирая, снова вспомнил тот бал и встречу в первый раз,

Как сразу взгляд её запомнил ему родных зелёных глаз.

Земля вся вздыблена от взрывов, не разглядишь мелькание пуль,

А на сухих губах теплился его любимой поцелуй.

Флаг для противника приманка. От ядер вздыбилась земля.

Она его похоронила и в свои недра забрала.

Брат старший был смертельно ранен, успел о подвиге узнать.

— Мы вместе ратный путь избрали, так вместе нам и умирать, —

Сказал он тихо напоследок и умер через три часа.

Возможно, в лучшем мире снова соединила их судьба.

Ослепла с горя мать Тучковых.

– Мне не на кого здесь смотреть. Родные лица все на поле.

Соединит нас только смерть.

Жена не сразу всё узнала, что он убит, не найден, но...

Не захороненные трупы теперь лежат в Бородино.

Французы заняли столицу. Вот из Москвы они уйдут,

Тогда, быть может, и на поле родные труп его найдут.

Ах, поле, ты людское горе. Его в слезах всё обошла.

Вокруг лежали кони, люди. В крови засохшей их тела.

Кавалергарды, гренадёры и вороньё на киверах.

Недавно так прельщали взоры, теперь же стало только

прах.

Горят в кострах жертвы амбиций жизнь искорёживших
вождей.

Сколько отцов они отняли, супругов, братьев и детей.

Тут опера, а там драгуны в кострах крестьян вместе горят.

– Убрать нам надо сорок тысяч, – крестьяне тихо говорят.

– Летаёт пепел по просторам, пошли болезни, смрад

и мрак.

Не будешь долго разбираться, где здесь герой, а где тут
враг.

Весной засеять нужно поле. Земле бы надо отдохнуть

И возродиться к новой жизни, но не сейчас, когда-нибудь.

5

Пять дней она брела по полю, где тучи чёрные ворон,
Нашла знакомую ей руку с большим рубиновым перстнём.
Прижала кисть к губам солёным, кольцо с трудом с неё
сняла,

А руку в ямку закопала, затем там церковь возвела.

Пропала грация, весёлость, прекрасный голос, красота,
И даже имя Маргарита она забыла навсегда.

И снова у неё потери. Брат-декабрист – в Сибирь.

А сын... Его с отцом похоронила и основала монастырь.

Игуменьей Марией стала, своё имение продала,

Солдатским вдовам помогала, приют калекам создала.

А осенью рожь колосилась на кровью политой земле,
Монахини хлеб выпекали в пекарне при монастыре.
Он русский был по самой сути, тот вкусный поминальный
хлеб.

Его называли бородинским, ведь рожь росла, где рядом
склеп.

Замешан был в слезах, на крови, как память о героях всех.
В молитвах обо всех погибших Тучкова жизнь свою вела
И там, у склепа, где родные, покой себе лишь обрела.
Всё в нашем веке под вопросом. И под вопросом героизм.
Зачем Тучкову лезть под пули, ведь он богат и был лю-
бим?

Но есть одно простое слово, и это слова патриот.

И если Родина в опасности, то кто её тогда спасёт?

О ратных подвигах и доблести нам надо чаще вспоминать.

И бородинским чёрным хлебом героев русских поминать.

29-10-19

Память

Пожар вмиг охватил завалинку, стену спальни и запылал с испепеляющей силой. Вскоре в блеске огня был виден весь ночной проулок. Блики огня засверкали на окнах соседнего дома, где жили Дарья и Лаврентий Ерыкаловы. Они выглянул в окно и вскоре с вёдрами выскочил Лаврентий с сыном Петром, к ним присоединились Степан с сыновьями, встали в шеренгу, набирали воду в соседнем колодце, передавали по цепочке вёдра, лилась вода, но пожар всё усиливался.

С подойником прибежала Агафья, жена Степана, а Дарья с иконой, читая молитвы, стала ходить вокруг своего дома. С вёдрами и подойниками прибежали жители соседних домов, образовали вторую шеренгу, но пожар, смеясь над ними, перекинулся на амбар, за которым находилось хозяйство Ерыкаловых. С иконой прибежал дьяк, но вскоре поставил икону к дереву и тоже включился в работу: стал лопатой набирать землю и кидать на горящие брёвна, одновременно читая молитву. В освещённой огнём тёмной летней ночи деревне Большая Грязнуха царствовали пляшущие языки огня, вырисовывая напряжённые потные лица.

Из сарая выпустили кур с петухом и козу. Куры кудахтали, петух кукарекал, огонь трещал, коза блеяла, бабы кричали, что в доме Любка.

– Пьяная опять, верно, если не выскочила.

– Ясно, пьяная. Вечёр, когда ставнями окна закрывала, слышала голоса, гармонь играла, песню «Сударушку» мужик пел, – частила Агафья.

Окно кухни затрещало, запылало, и из него выпал Семён, очередной хахаль Любки из соседнего села; от него разило дымом и самогоном, лицо и руки обожжены, рубаха в подпалинах. Женщины облили его водой, стали оказывать помощь. Упала кровля, Любка так и не вышла. Пожар потушили, когда и тушить-то было нечего. Любку не спасли. Труп нашли в сенях под ещё тлевшей балкой.

Но ещё долго у сгоревшей избы толпился народ: одни уходили: ждала утренняя работа после бессонной ночи, другие приходили, услышав о трагедии; отгоняли ребятишек, которые норовили оказаться в первых рядах. Весть о пожаре разнеслась по всем 570 дворам села Карпухинского. В тот же день приехал участковый уполномоченный, следователь и человек в форме пожарного инспектора. Весь день они искали свидетелей преступления, посетили все близлежащие дома, но никто ничего не знал.

Павле Шишиной о пожаре рассказала золовка Надежда, когда они провожали утром коров с пастухом.

– Уснула с Яковом, проснулась с ним, – рассудила Паша. Бог милует. Усвоил обещание, данное деду Михаилу: держаться в стороне от дома Любки.

Пришёл как-то свёкор Михаил Иванович, когда Паша со слёзами на глазах трёхмесячную Зою кормила.

Не сразу выговорилась, но дед уже знал от дочери Надьки, что сын-гуляка ночи проводит с Любкой и её пьяной компанией, а у Паши молоко грудное пополам с горячими слезами.

– Не реви, – буркнул, взглядываясь в лицо малютки. На Якова как похожа. Глаза карие, тёмные волосики и сосёт, жадно приложившись к груди матери, а губёшки тоже аккуратные, вся в батьку. А тот не в меня, в жену.

У Михаила, что не год, жена Мария рожала детей, двенадцать их было, но в живых к этому времени осталось пятеро. Кто на войне сгинул, кто от болезни, Потапа смерть достала, когда в зелёных был, Афанасий вернулся после госпиталя больным. Все дети, кроме Якова, в него, крепкие, среднего роста, ширококостные. Яков же в мать чернявый, худощавый, ниже братьев. Любил пофорсить, одеться во всё новое и чистое, прогуляться с парнями по селу, хотя и учение было, и книг много прочёл, в Петрограде закончил курсы парикмахеров. Женился на красавице Марье из кулацкой семьи Романовых, в 1915 году дочь Лиза родилась.

В село наведывались то красные, то белые. Мужики от греха подальше в лес ушли, «зелёными» себя называли. Белые, красные и зелёные требовали продовольствия, всем скрепя зубы угождать приходилось: попробуй не дай. Но была у Михаила дальняя землянка, прикрытая хворостом, чтобы после этих набегов и семью прокормить мог. Деверь место подсказал, лесником в тех местах был. С сыновьями по ночам этот земляной амбар строили и – никому, даже

жёнам (у баб язык длинный) не говорили, там деньги и золото, сохранённое после четырёх раскулачиваний, хранил, но даже и сыновьям не говорил о том, где их спрятал. Набеги на село продолжались с 18 по 22 год.

О приближении белых и красных сообщали жители села Клевакинского, где не одну бабу изнасиловали, а ту, которая вилами честь себя и мужа защищала, повесили после надругательства. Девок и молодых баб в селе Карпушинском прятали в подполье. Однажды в доме Романовых, где в то время жили Мария с Лизой, несколько дней стояли белые, потом их вытеснили красные. Несколько недель Мария, молодая жена Якова, пряталась в подполье. Когда безопасно стало, вылезла оттуда голодная, замёрзшая и совсем больная, возили к фельдшеру. Тиф. Дни были сочтены. Яков вернулся весной 21 года, а летом схоронил свою лебедушку. После смерти Марии решил, что надо жизнь продолжать по-новому.

Забрав с собой шестилетнюю Лизу, поехал в Петроград, решив устроиться там парикмахером и дочь воспитывать. Приехал и не узнал город. Это был неудачный период для города, расположенного удалённо от сельскохозяйственных районов. Разруха на путях сообщения привела к перебоям со снабжением. В парках, в скверах, на улицах выращивали картофель. Заводы остановились, трамваи не ходили, не работали водопровод и канализация, для отопления разбирали доски тротуаров и даже деревянные дома. У магазинов выстраивались очереди, была введена карточная система. Из-

за голода жители, оставляя дома и квартиры, уезжали в сельские местности. К 1921-му году город опустел, в нем жили 722 тысячи человек – в 3 раза меньше, чем накануне революции. После жестокого подавления мартовского восстания моряков в Кронштадте прокатилась волна арестов. Ненадолго задержался здесь Яков, вернулся к отцу, своего дома после раскулачивания Романовых не было, поэтому поселился у Михаила.

Но не дело молодому одному век коротать, тогда и сошёл с Любкой к недовольству своей семьи.

Однажды в вербное воскресенье Михаил Иванович после посещения церкви решил поговорить с сыном о жизни. Во дворе встретил простоволосую, хотя прохладно ещё было, Лизоньку, погладил по голове, протянул пряник. Она взглянула на деда карими Яшкиными глазками, взяла гостинец немытыми ручонками, вгрызлась в него зубами. Вошёл в избу и сразу огорошил сына вопросом:

– Чего не женишься? Полгода прошло после смерти Марии. Лизке мать нужна, а то она всё к Романовым бегаёт. Ей семья нужна, а не отец-кобель.

– Так на ком? Молодухи да вдовы с детьми.

– Ты уже нашёл одну такую молодуху.

– Не твоё, отец, дело. После войны имею право на личное.

Не учи жить.

– А Лиза как? О ребёнке подумай. Мать ей нужна.

Михаил не просто так завёл разговор. Была у него на при-

мете Павла Дьячкова. Старше Якова, правда, да кто годы считать будет, и ростом повыше, но ведь с сантиметром никто за ними бегать не будет. А из богатой семьи, тоже неоднократно раскулаченной к этому времени. Самый большой дом в селе был у Павлы Артемьевны, земли много, скотный двор, лошади. Семьи что Павлы, что мужа её погибшего Ивана пользовались в селе уважением за трудолюбие, хозяйственность и доброту.

Павла в девках в селе первой красавицей была, скромная и образованная, муж Иван, лет на 8 старше её, был командиром белогвардейского отряда, худощавый, с большими серыми глазами, по характеру взрывной, храбрый, весёлый. На войне побывал, оттуда белым и вернулся. Погиб в 19. Крепко рыдала на похоронах, когда привезли, беда не ходит одна. Вскоре и маленький сын утонул, когда коров доила, хозяйство было большим, сама всё тянула, батраков нанимать запретила Власть Советов. Пусть и голодные, и полуодетые, но свободные, не батраки.

За мелким Васюткой соседские дети приглядывали. Вроде и речка Большая Грязнуха (так и село все местные называли) неглубока, но трёхлетке воды захлебнуться хватило. Осталась у Паши старшая дочь Наталья, большеглазая, кудрявая, очень тоненькая четырнадцатилетняя девчушка. Михаил знал, что воспитана Наталья так, как каждой бы девушке следовало: ответственная, образованная, скромная, по хозяйству помогает, по селу по ночам с парнями и девками

не шастает. Помощница в хозяйстве будет, потом и замуж выдадим, и никаких «довесков» от Ивана. Павла – строгая, взрослая женщина и, по словам её родственника церковнослужителя, с которым только что ней разговаривал, религиозная; о Лизе позаботятся и воспитают достойно. Обо всём этом он и поговорит с Яковом, но не теперь, а, обдумав всё, после, и с бутылкой самогонки на Пасху. Думал старый, что если женит сына после смерти первой жены-красавицы, то и пить бросит Яшка, ведь не пил раньше.

Не стал Михаил тянуть быка за рога и разговор затеял, как и предполагал, в пасху. Яков противиться не стал. Он десятилетним парнишкой был, когда Иван с Пашей вышли из церкви. Она, красивая, высокая, была в белом платье, фате, с цветами в руках. Их обсыпали хлебным зерном, а потом и деньги кидали, он тоже схватил монетку. Потом на нескольких экипажах поехали кататься. Дети бежали следом. Свадьба была что надо. Павла и после похорон Ивана сохранила привлекательность, а сейчас Яша решил, что отец прав, и вскоре произошёл сговор. Но ещё до этого о предполагаемом сватовстве сообщила будущей невесте Таисия, жена Ивана, старшего брата Якова, получившая задание от мужа узнать, как Паша воспримет этот мезальянс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.